

Диляра Садыкулина

До и после

*Главный редактор
книги — Альбина
Джаналиева*

Диляра Садыкулина

До и после

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30082593

ISBN 9785449048141

Аннотация

Книга-история о тяжелой потере зрения, возникшей из-за преступного действия врачей и тяжелых последствий. Диагноз является редчайшим.

Содержание

ДО И ПОСЛЕ	5
ИНСТИТУТ ГЕЛЬМГОЛЬЦА	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

До и после

Диляра Садыкулина

Главный редактор книги Альбина Джаналиева

© Диляра Садыкулина, 2018

ISBN 978-5-4490-4814-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДО И ПОСЛЕ

Здравствуй! Не знаю, что получится из написанного, но, надеюсь, будет интересно.

В этой книге нет ничего, что бывает в художественном романе. Это не комедия или трагедия, это повествование о моей жизни в период, когда я ещё могла созерцать этот мир до полной потери зрения. Я ни в коем случае не настаиваю на том, чтобы вы её прочитали. Но, если честно, мне очень хотелось бы, чтобы это всё-таки произошло.

Я попыталась рассказать обо всём, что интересовало людей. За восемь лет, что я не вижу, у меня накопилось много информации, которой я хотела поделиться, да и вообще рассказать о своих ощущениях. Ко мне часто обращаются с многочисленными вопросами о том, как я могу жить, учиться и работать, будучи слепой.

Возможно, что в тексте будут переходы от одного события к другому, возможно, я буду возвращаться назад, либо перескакивать вперёд, но так даже интересней... И если вы начали прочитывать это, я благодарю вас за потраченное время. Итак, поехали!

В момент написания этой книги мне было уже сорок лет, да возможно это много, хотя иногда мне кажется, всё ещё впереди!

Мне очень хотелось рассказать о своей невидимой жизни,

но долго думала, как это сделать красивее, хотя слово «красивее», наверное, не совсем подходит, ну и ладно.

В общем, пишу я это уже слепой женщиной. 20 мая 2010 года я окончательно лишилась зрения. Произошло это и внезапно, и в тоже время я бы так не сказала. Всё по порядку, чтобы было ясно.

До той минуты, как зрение покинуло меня, я была совершенно обычной, хотя я и сейчас обычная. Но, надо всё-таки заметить, что это разные состояния.

Родилась я совершенно здоровым ребенком, случилось это событие 9 июля 1977 года в городе Астрахани, что на самой большой реке Европы Волга. Развивалась как все, посещала различные секции, школу, разумеется. Детство было великолепным, потому что оно у меня было, а это важно.

Конечно, я была любимицей в семье, кроме меня в семье ещё два старших брата, и, естественно, мне как девочке всегда улыбалась удача. Мои родители меня баловали, особенно папа, которого не стало, когда мне было всего 14 лет, и этот день был для меня потрясением. Папы не стало вследствие операции, которую он не выдержал, детали я не знаю так как... не знаю. Родители мои – совершенно обычные люди. Мама – простая, добрая женщина, очень спокойная. Папа был человеком с характером, очень умным и душевно щедрым мужчиной. И мама, и папа были служащими. В жизни родители ценили честность, порядочность, справедливость. После того, как мой папа покинул этот мир, моим воспита-

нием занимались мама и братья. Но время-то идёт, всё меняется, и я выросла, и каждый из братьев устроил свою жизнь.

В школе я не была отличницей, скажу больше, я даже игнорировала некоторые предметы, один из которых немецкий язык. Сейчас сложно сказать, с чем связано такое нежелание посещать уроки немецкого языка, может, педагог мне не нравилась, а ведь она мне действительно была несимпатична. И мне казалось, она не мотивирует, а, наоборот, создаёт ситуацию, отталкивающую от желания изучать язык, а ведь от педагога многое зависит в успешном учебном процессе, о каком бы предмете ни шла речь

С горем пополам я получила неполное среднее образование. Куда же я могла податься? Конечно, я поступила в педагогический колледж, хотя всегда хотела в хореографический, и видела себя педагогом-хореографом, но никак не воспитателем в детском саду, а педагогический колледж как раз выпускал воспитателей. Ну что же было делать? Моего желания никто не спросил, только выражали недовольство относительно моего стремления к хореографии: «Зачем тебе это надо, хореографов много, а толку нет! А вот воспитатель это благородно!» Я отпустила все свои предпочтения и стала студенткой колледжа. Но мне жутко не нравилась эта профессия (вы не подумайте, я очень уважаю педагогов дошкольного воспитания, но надо понимать, воспитатель – это уникальная профессия, и каждый второй им быть не может), поэтому я никак себя не видела в этом амплуа. Согла-

ситесь, воспитатель и учитель – совершенно разные вещи, и мне ближе обучение школьников и подростков, чем работать с маленькими. В связи с этим и в колледже я тоже училась неважно, потому что, как я говорила, я ненавидела себя в детском саду. Честно говоря, каждый учебный день был мучением. Но я училась и пыталась как-нибудь закончить.

Пока я училась, всё в жизни было ярко: много новых друзей, подружки, тусовки – конечно, мне было всего 17 лет. В этом возрасте и подростковые проблемы тоже не заставили себя ждать: были и конфликты с мамой, и преподавателями. Как ни странно, всех удивляло моё негативное отношение к будущей профессии, но я всегда стремилась к иному в жизни. Да, я любила педагогическую деятельность, но это никак не относилось к профессии воспитателя. Кстати, даже в колледже я умудрялась участвовать в различных мероприятиях, в которых нужно было что-то танцевать. Так или иначе, я всё равно пересекалась с любимой деятельностью.

Что касается танцев, я делала это с детства, ещё в детском саду меня всегда включали в какой-либо танец, и я с удовольствием это делала. Потом в 13 лет я начала заниматься балльными танцами, после эстрадными, а потом немного классическими танцами, но и, конечно, не обошлось дело без клубных танцев. Я всегда, сколько себя помню, была на сцене, а десертом для меня стал восточный танец, я и сейчас нет-нет и танцую дома для души, это ведь очень красиво. Но речь не об этом... В общем, к финалу обучения я была известна

на весь колледж, потому что бунтовала, и вот к 18 годам случилось следующее...

Сию я на лекции, точнее на уроке, так как лекцией это назвать трудно. Сию и пишу за преподавателем, и вдруг понимаю, что середина тетради как-то совсем не в середине. Поверьте это сложно объяснить, но только представьте, стараешься писать на каждой строчке, придерживаешься дистанции от слова к слову, пытаешься как-то соблюдать середину, но не выходит. И понять ничего не можешь, что происходит, такое ощущение, что строчки в тетради спутываются. Прихожу домой, пытаюсь объяснить этот факт, но, конечно, меня никто понять не может. Я вроде вижу, но что-то не так. Мама особо не переживала, потому что на тот момент всё было неплохо, так нам казалось. Самое странное, а точнее страшное. Глаз-то не болел, но...

Когда я снова пошла на занятия с утра, находясь в коридоре колледжа в ожидании следующего урока, я вдруг заметила следующее: при взгляде на какой-либо предмет было ощущение что, что-то мешает внутри глаза и как будто какая-то чернота вокруг. Я пыталась устранить неприятное ощущение, но ничего не получалось, было очень странно, и возникло ощущение соринки в глазу. Я кое-как дотянула до конца занятий, и, вернувшись домой, сообщила маме. Она ничего не поняла, и решила отвести меня к офтальмологу. Пришли мы к врачу, и я очень долго сидела напротив доктора в тёмной комнате. Она (это была женщина) долго что-то пы-

талась увидеть внутри, всё время говорила: «Смотри правее, потом левее, теперь в центр». Но только ничего не увидела, а лишь сказал: «У девочки серьёзно болен глазик!» Потом она предложила посетить её на следующий день. И на следующий день она, посадив меня в кресло, закапала в глаз какую-то жидкость, для того чтобы зрачок увеличить. Мы стали ждать. По окончании пятнадцати минут она снова посмотрела на зрачок и вдруг сказал: «Я не знаю, что с вашим глазом. То, что я увидела мне непонятно, но я посмотрю в учебнике, когда вернусь домой, но вам лучше обратиться в специализированную клинику», – и было это сказано тревожно.

На следующий день мы поехали в эту клинику (надо сказать было это далеко) и зрение моё резко изменилось, причем за очень короткое время в худшую сторону. В Астрахани не так много профессионалов в этой области, но мы пришли к доктору, и я просто была в шоке. Не поверите, меня осматривали около пяти докторов почти одновременно. Я понять не могла понять, в чём дело, и в тоже время понимала серьёзность ситуации. Меня осматривали какими-то аппаратами и спустя два или три часа вынесли диагноз: «У девочки рак глаза». А один из докторов даже выразил недоумение от вида моей сетчатки. «Я, – говорит, – никогда не видел таких широких кровеносных сосудов». После долгого обследования было принято решение: меня отправили в столицу на более глубокое обследование.

Конечно, мне уже было не до учебы, и я пребывала в состоянии растерянности. Честно говоря, я не понимала, что происходит всё-таки? Было ясно одно: я стала плохо видеть! В колледже отнеслись с пониманием, и мы, не теряя времени, поехали в столицу.

ИНСТИТУТ ГЕЛЬМГОЛЬЦА

Собирались мы быстро, нельзя было терять ни минуты. Подключились все родственники, нас провожали с тревожным сердцем, но мы старались не грустить, ведь медицина должна нам как-то помочь. Мы загрузились в вагон, и спустя некоторое время помчались. Маме было тяжело переносить дорогу, ей было плохо, но она терпела, а терпеть предстояло полтора суток. Нас ничего не интересовало, кроме того, как быстрее добраться и узнать наконец, что с моими глазами?

Вот мы и в столице, на перроне меня и маму встретил один из моих братьев. На тот момент он уже проживал в Москве. Благодаря ему и его подруге, мы обрели место проживания на период обследования и лечения. Квартира была у них однокомнатная, и наш визит создавал неудобства, но что поделаться? Да, было тяжело нам всем...

Была зима, и было холодно, всё время ветер, и очень неприятная погода. Солнце выглядывало очень редко. Но и у нас в душе тогда было всегда пасмурно, потому что нас привела в столицу проблема, и какой результат нас ожидал никто не знал.

Мы приехали рано утром, но нам было уже не до сна, хотя мы практически не спали в поезде. Мы сходили в ванну, потом позавтракали и, собравшись, отправились в институт имени Гельмгольца. Мой брат и его девушка поехали с нами,

так как мы не знали Москву, и нам было бы сложно, а с ними всё было чётко и быстро. Они нам очень помогли...

Конечно, институт очень большой, туда-сюда бегали доктора и пациенты, огромные очереди, было ощущение, что коридоры не опустеют никогда. Периодически мимо нас проезжали коляски с теми, кого прооперировали или собирались оперировать. Мы ждали! Вот и нас пригласили на диалог, меня посадили за аппарат, которого я в жизни не видела, что-то опять искали в глазу, и в конце концов сообщили: «У вас нет никакого рака глаза. Ваш диагноз звучит так: ангиоматоз». Конечно, мы не поняли, что это такое, тогда доктор объяснила: «Это доброкачественные новообразования на стенках кровеносных сосудов, и вот именно эти образования надо удалять лазером. Вам следует каждые полгода посещать офтальмолога для лазерной коагуляции, без данной процедуры вам никак, увы. Это на всю жизнь. И если соблюдать все предписания, всё будет ок!». И первый сеанс лазерной операции назначили через час.

Мы перешли из одного здания в другое, и там тоже было много людей, и у всех диагнозы один страшней другого. Я посмотрела на всё это и стала ждать своей очереди в лазерную. Мы отдали карту медицинской сестре и ждали. Через полчаса назвали мою фамилию, и я вошла в кабинет, там стоял небольшой аппарат с яркой лампочкой зелёного цвета, а внизу была какая-то кнопка, напоминавшая педаль. Странно так, сидишь напротив доктора, он со своей стороны смот-

рит на твои глаза, потом в карту, потом закапывает жидкость в глаза и берёт в руки небольшую штучку, линзу, и пытается установить её в твой глаз. Ощущение не из приятных, но что делать? Когда линза установилась, доктор направляет тот самый луч на внутреннюю часть глаза и внимательно осматривает, и, найдя наконец проблемную зону, просит не двигаться, я замираю... И чик! Вот он первый луч лазера проникает в мою сетчатку и выжигает то, что мешало мне видеть. Я дёргаюсь, потому что это неприятно. Доктор делает паузу и спустя минуту повторяет процесс, и опять я неспокойна. Процесс затягивается, от боли мне немного плохо, но я терплю. С горем пополам процедура завершена, но это ещё не конец. Таких дней было семь. После этих семи дней доктор даёт заключение и сообщает, что мне положена инвалидность. И сообщает ещё одну новость:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.